Снимать поцелуй на глазах у всех требовало определенной решимости и смелости. Никто не знал, как отчаянно занималась самовнушением Цзян Чжэн, наклоняясь к нему: просто представь его цветком, ароматным цветком, дотронься до мягких лепестков, да, вот это ощущение.

После того, как режиссер сказал "Снято", она медленно открыла глаза.

Ресницы Цзи Муе слегка задрожали, а его прекрасные глаза были полны шока.

Цзян Чжэн почувствовала себя старым помещиком, насильно похитившим чужую дочь и вынудившим к близости, что было крайне плохо.

Тем не менее, ей пришлось вздохнуть - актёрское мастерство Цзи Муе и вправду было хорошим. Она просто потёрлась о его губы, а у него покраснели уши, когда она поцеловала его губы, у него всё равно покраснели уши.

Его уши были такими же розовыми, как рубин, и ей вдруг захотелось их ущипнуть.

Она немедленно испугалась своих грязных мыслей. Вредно.

Цзин Мэйни подошла и принесла Цзи Муе стакан ледяной воды. В последнее время у него было жарко внутри, вообще-то ему всегда было жарко. Ледяная вода была спасительным лекарством. Хань И передал Цзян Чжэн чашку полезного ягодного чая, Цзян Чжэн выпила два глотка и сказала: «Учитель Цзи, смотри».

Цзи Муе услышал звук и повернулся, увидев лишь как Цзян Чжэн повернула лицо, и вдруг её уши зашевелились туда-сюда.

Хань И: «...» Хехе. Сокровище-девочка слишком юна.

Цзин Мэйни: «...» Что, чёрт возьми?

Цзи Муе фыркнул: «Учитель Цзян знает магию».

Цзян Чжэн серьёзно сказала: «По сравнению с учителем Цзи я всё ещё далеко позади. Я могу заставить уши двигаться, но не краснеть. Или, может быть, вы научите меня?»

Цзин Мэйни смеялась, пока у неё не заболел живот. Хань И также подёргивал уголки рта и не хотел говорить.

Цзи Муе снова фыркнул: «Учитель Цзян, пожалуйста».

Цзян Чжэн последовала за ним. Видимо, потому, что трюки и магию нельзя было показывать публично, её, должно быть, позвали в сторону, чтобы обучить privately.

Они обошли столб там сзади.

Цзян Чжэн с нетерпением ждала наставлений мастера.

Цзи Муе пристально посмотрел на её тонкие губы: «Если я поцелую вас, ваши уши покраснеют?»

Цзян Чжэн на мгновение опешила, затем тут же смутилась, а на следующую секунду мочки её ушей действительно сильно нагрелись.

Цзи Муе скрежетнул зубами: «Учитель Цзян, вы понимаете?»

Цзян Чжэн была напугана пылающим светом в его глазах, она кивнула в неведении, а затем быстро покачала головой.

Цзи Муе сжал кулаки: «Хотите попробовать?»

Цзян Чжэн была так напугана, что потеряла дар речи и бессвязно заговорила: «Цзи... Учитель Цзи, не разочаровывайте ожиданий фанатов, вы обречены стоять на самой высокой горе... вы не можете...»

Цзи Муе: «...»

Хань И увидел, как Цзян Чжэн вышла из-за колонны с пылающим лицом, и подумал про себя: о, Цзи Муе очень хорош, я научу его через минуту.

Следующий эпизод был в основном сладким.

Королева Тан Циньлань лично принесла святую воду с горы Мордор и через Цэнь Баоцянь отправила её во дворец своего мужа. В священной горе был утёс, и там круглый год сочилась кристально чистая вода из источника. По легенде, первая королева Восточного Нуского царства получила ранение после ожесточённой битвы с врагом, но, искупавшись в воде источника под скалой, её раны мгновенно зажили. Это стало столетним фундаментом царства Дунну.

Сначала Цуй Лин не знал легенды о святой воде, которую Цэнь Баоцянь почтительно принесла, но служанка не могла вынести, чтобы доброта королевы была проигнорирована, поэтому она терпеливо объяснила ему:

"Ваше Высочество. Простите дерзость этой слуги. Её Величество питает к вам глубокую привязанность, иначе она не стала бы усердно собирать святую воду с утёса, а затем путешествовать через горы и реки, чтобы доставить её Вашему Высочеству".

Цуй Лин поджал губы, приподнял одежды, опустился на колени и поклонился в сторону дворца в знак благодарности.

Будь то святая вода, шёлковые одеяния и нефритовая пища, или гордые слова, написанные королевой в его честь, даже сломанные ветки цветов, сорванные по дороге, неожиданно доставлялись Цуй Лину. Цэнь Баоцянь видела, что Цуй Лин просто кланяется и благодарит, и тайно подумала, что Его Высочество не понимает человеческих чувств. Она не могла не напомнить: Есть ли у Его Высочества что-нибудь для Её Величества? Это не обязательно должно быть дорогим, просто искренним.

Через три дня во дворец был доставлен изящный короткий лук. Сделанный из тутового дерева, рукоятка лука была инкрустирована узором Куйлун[1], он был маленьким, изящным и удобным для переноски на лошади. Тан Циньлань только бросила на него взгляд перед Цэнь Баоцянь и ничего не сказала. Но на следующее утро, когда Цэнь Баоцянь вошла, чтобы прислуживать и переодевать её, она обнаружила, что оперённые стрелы торчат из колонн, ширм и даже стропил во дворце.

Она сдержала смех и велела кому-то залезть и снять стрелы, вернув их в колчан.

Наконец наступил день грандиозной свадьбы. Вся страна Дунну праздновала, царило оживление.

С полмесяца назад в Канъяньчуань хлынули гости из Восьми царств Сишаня. Знать Восьми царств могла войти во дворец, чтобы принять участие в пиру, а королевские семьи правителей Восьми царств могли войти во дворец, чтобы принять участие в грандиозной свадебной церемонии.

Городские стены были украшены фонариками и развевающимися красными лентами.

Её Величество Королева уменьшила налоги в марте, чтобы вознаградить народ.

На улицах и площадях проходили всевозможные представления, танцы, оперы но, и на лицах всех сияли улыбки.

Когда наступило благоприятное время, Цуй Лин, одетый в красное свадебное платье, верхом на белом коне выехал из Башни Жениха, а его младший брат Чэнь Ган вёл белого коня, и их сопровождали стражники во дворец. По пути действовало военное положение, а толпа становилась на колени по обе стороны дороги. Когда белый конь проезжал мимо, все кричали пожелания супружеской чете.

Они вошли в ворота дворцового города, затем во внутренний город, затем пересекли площадь перед дворцом, где Тан Циньлань стояла высоко под дворцовой сторожевой башней и смотрела, как Его Высочество, шаг за шагом, приближался к ней.

Оказалось, что он так хорошо смотрелся в красном.

С красивыми бровями и сияющими словно звёзды глазами, эти слова мелькнули в голове Тан Циньлань, и её рука уже потянулась, чтобы взять Цуй Лина за руку.

Министры кричали «да здравствует» и «пусть они проживут тысячу лет», а правитель соседней страны рыдал. Этот удивительный поворот событий за полмесяца заставил его чувствовать себя во сне.

Было совершено поклонение предкам, издан указ и пожалована печать супруга, подданные преклонили колени, а пышное свадебное торжество длилось весь день. Ночью площадь перед дворцовыми башнями была ярко освещена, а лидеры восьми стран каждого отдела, согласно своим официальным должностям, сели за столы на пиршестве.

Министры по очереди подходили с тостами к Королеве и её супругу.

Выносливость Тан Циньлань в питии была довольно хорошей, и цвет её лица не менялся даже после нескольких чаш. Цуй Лин тоже не растерялся, он пил не спеша и не напивался.

Тан Циньлань смотрела на него, уголки её губ изогнулись, а на бровях уже заиграла улыбка.

После окончания пира перед главным залом придворные неохотно расходились. Какими бы любопытными они ни были, они не осмеливались устраивать беспорядки в свадебных покоях королевы.

Тан Циньлань держала Цуй Лина за руку (она не выпускала его с того момента, как увидела) и пересекла ступени, обойдя дворцовую башню.

Она всё ещё помнила, как во время мятежа во дворце они стояли здесь, а Цуй Лин, не говоря ни слова, взобрался на дворцовую башню, достал шкатулку с вышивкой и принёс ей придворную одежду Тан Циньлань.

«Первоначально я хотела, чтобы ты взобрался туда снова сегодня вечером», - хихикнула Тан Циньлань, а затем снова покачала головой: «Но в конце концов, я не простолюдинка, а ты женатый мужчина... Какой-то приличия всё же следует придерживаться». Она немного сожалела, но раз уж получила своего возлюбленного, эти сожаления были не стоящие упоминания.

Цуй Лин поджал нижнюю губу: «Если вы пожелаете...»

Тан Циньлань прервала его: «Я не позволю тебе рисковать».

Цуй Лин: «...»

Они вернулись в передний дворец и поднялись по лестнице. Сегодня деревянная лестница тоже была украшена. Тан Циньлань взяла Цуй Лина за руку (она не отпускала его с того момента, как увидела) и села на неё.

«Я говорила, что рано или поздно здесь будет твоё место».

«Я никогда не нарушаю своих обещаний, Цуй Лин, ты знаешь это?»

Когда Цуй Лин собрался снова опуститься на колени, Тан Циньлань схватила его: «Мы с тобой муж и жена, тебе не нужно этого делать. Я буду благодарна, если ты не будешь кланяться».

Двое вошли в спальню, и началась самая захватывающая сцена.

<http://tl.rulate.ru/book/79166/3417609>